

ИДЕЙНОЕ
ПРОСТРАНСТВО
ОРТОДОКСИИ
И ЕГО АНАЛИЗ
В НОВОЙ КНИГЕ
АЛЕКСАНДРА
ЩИПКОВА

Кредо консерватора

В Издательстве Московской Патриархии вышла книга Александра Щипкова «Дискурс ортодоксии». Издание адресовано как церковному, так и светскому читателю: епископату и духовенству, депутатскому корпусу, педагогическому и гуманитарному сообществам. Его цель — описать актуальный мир современного русского общества с точки зрения его культурно-исторических констант, так или иначе связанных с Православием. Говорит автор и о вызовах, возникающих сегодня перед русской национальной общностью и Русской Православной Церковью, а также о том, как сообща отвечать на эти вызовы, преодолевая застарелые отголоски социальных и национальных расколов.

«Дискурс ортодоксии» трудно назвать легким чтением. Но каждая из четырех частей книги, по-своему вполне самостоятельных («Русская тема», «Церковные вопросы», «Проблемы консерватизма», «Гражданское большинство»), написана убедительным и точным языком, понятным церковной и светской аудиториям. Александр Щипков приглашает читателя к совместному размышлению, в результате которого вопросы у свободно и критически мыслящего, думающего читателя могут и, наверное, должны остаться. На некоторые из них Александр Щипков ответил «Журналу Московской Патриархии».

Фото: Серафима Мокряка

Реформы начинай с себя

— Александр Владимирович, говоря о курсе ортодоксии, вы не расшифровываете второе понятие в этом словосочетании. Не может ли это породить дополнительные затруднения у светского читателя?

— Как правило, образованный человек независимо от своего личного отношения к религии и вере знает, что ортодоксия — это православное вероучение и общественные течения в современном Православии. Но, как мы знаем из мировой социологии, религия так или иначе определяет культурно-исторический профиль общества, служит отправной точкой для общественной этики и разных форм «гражданской религии». Собственно, об этом и говорит подзаголовок книги, указывающий на то, что речь идет обо всем идейном пространстве, с которым соприкасается наша Церковь.

— Вы пишете о либерал-православии как своего рода инородном теле в Церкви. Но разве приверженцы какой-то одной определенной части политического спектра отторгаются всей полнотой Церкви? Разве Христос пришел не ко всем людям — правым и левым, белым и черным, бедным и богатым?

— Проповедь и слова Христа обращены ко всем людям и к каждому конкретному человеку независимо от его языка, цвета кожи, пола и возраста, достатка и социального положения, ведь проповедь — это призыв, *имеющий уши да услышит* (Мф. 11, 15). При этом, как известно, *много званых, а мало избранных* (Мф. 22, 14) — то есть тех, кто откликается всем сердцем. Церковь также открыта для каждого человека, но понятия каноничности это не отменяет.

В моей книге речь не идет о каких бы то ни было более «церковных» или менее «церковных» политических течениях и позициях. Проблему современного либерализма (течения в своих основах секулярного) я рассматриваю в идеологическом ключе. Как ученого меня занимают прежде всего проблемы отношений политики и религии, в этом ракурсе я и рассматриваю идеологию. Продолжаются горячие дискуссии между сторонниками либерализма, консерватизма и социализма и их переходных форм — таких, например, как социал-консерватизм, левый либерализм, либерал-консерва-

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ШЧИПКОВ родился в 1957 г. в Ленинграде. Доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, декан социально-гуманитарного факультета Российского православного университета. Заместитель главы Всемирного русского народного собора, первый заместитель председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ, член Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви. Советник председателя Государственной Думы Российской Федерации, государственный советник Российской Федерации 3 класса.

тизм и т. д. Этому способствует бурное развитие мировых событий — одни выборы американского президента чего стоят. Все вместе это входит в идейное пространство современного русского Православия, в дискурсе которого я и пытаюсь разобраться.

— В главе «Либерал-православие» вы пишете, что и российское государство проводит либеральный курс. Но разве в верхних эшелонах власти осталось нечто либеральное?

Православие, в отличие от явлений, порожденных Реформацией, не смешивается с секулярной религиозностью. Правда, оно свободно уживается с идеологическим дискурсом воинствующего секуляризма в рамках одного общества в силу принципиальной свободы совести. Но эти две стихии несовместимы в лоне самой Церкви. Христианские заповеди и либеральные ценности секулярного модерна не смешиваются, как не смешиваются вода и масло. В противном случае мы должны были бы в угоду последним осудить «тоталитарную концепцию греха» и «культ личности Христа».

Александр Щипков

— Смею полагать, что да. У нас официально озвучиваются идеи рыночного общества и социал-дарвинизма, приоритет политических прав над социальными, а свободы — над справедливостью. Оправданность этого набора либеральных идей в верхах никто пока под сомнение не ставит. Социальная компонента во внутренней политике долгое время отсутствовала, и только благодаря Владимиру Путину в последние годы она энергично возвращается в политическое пространство. Относительно недавно, с начала 2000-х годов, были реабилитированы и зазвучали в риторике политического класса консервативные мотивы. Так, «патриотизм» сегодня воспринимается как понятие с положительными коннотациями, а не в духе 1990-х годов — как «последнее прибежище негодяя». Глобализм и либерализм, напротив, перестали мыслиться исключительно в позитивном ключе и со второй половины 2000-х приобрели негативные коннотации. Этим трансформациям политической семантики в моей книге посвящены некоторые главы.

— **Вы пишете об угрозе протестантизации Православия. Как это соотносится с распространением в российском обществе так называемого евангельского типа благочестия¹ с его акцентом на социальное служение Церкви?**

— Пока лично я не замечаю усиления запроса на евангельское благочестие в светской части

общества. Речь нередко идет о разных феноменах квазирелигиозного характера — о культе материального успеха, алгоритмизации и цифровой регламентации жизни, мобильности и иных постматериальных ценностях. Что касается социального служения, очень важно понимать, каким ориентирам оно подчиняется. Как и любое христианское делание, социальное служение должно быть частью совместных усилий единоверцев по спасению души, но не превращаться только в милость или милостыню. Необходимо избежать голого утилитаризма, а также негативной идеологической нагрузки, когда благотворительность одновременно призвана показать, что государству социальными вопросами заниматься необязательно. «Помоги себе сам» — именно таков принцип протестантской этики, в котором любая социальная помощь словно компенсирует изначальный приоритет индивидуализма и индивидуальных свобод, сакрализацию ряда аспектов мирской «эффективности». Социальное служение не должно превращаться в индульгенцию, в противном случае оно утрачивает экклесиологичность!

— **А как это выглядит в Православной Церкви?**

— Священник не должен отождествляться с социальным работником. Действительно, в определенной части современного российского общества господствует убеждение, будто Церковь — это собес. Но на самом деле это собрание верных с главной целью спасения души. Материальные ресурсы Церкви ограничены. Она не может решить проблемы социальной сферы в масштабах страны, а вот требовать это от государства и можно, и нужно. Сильный должен помогать слабым, сытые кормят голодных — но именно потому, что таковы заповеди Спасителя, а не наоборот. Секуляризованный мир не усматривает эту причинно-следственную связь, потому что не понимает внутреннего устройства Церкви, требуя от нее обслуживать себя, свою идеологическую повестку. Жаль, что объяснить таким людям их заблуждение очень трудно.

— **Почему?**

— А как рассказать о Церкви людям вне Церкви?! Я много раз сталкивался с подобным парадоксом. Приведу пример. Состоявшийся 50-летний человек приходит в Церковь. Житей-

ский опыт у него колоссальный, а церковный — практически нулевой. Возникающий от этого дискомфорт порождает мысль, что там, куда он пришел, то есть в Церкви, что-то не так. И это «не так» необходимо исправить и подогнать под свои обывательские, политические, эмоциональные и интеллектуальные привычки. Мысль, что воспитание и развитие души требуют работы, усилий и напряжения, подобно развитию физического тела в спорте или интеллекта в учебе и науке, в голову этого человека не приходит. Он уже приступает к исправлению Церкви, ее реформации. Это походит на звучащее время от времени предложения освободить программу по русскому языку от «лишних» правил, так как ученикам трудно их усваивать. Ладно бы речь шла о смягчении оценочных критериев, но нельзя вторгаться в законы языка, его нормативную сферу. А неопит этого не понимает и говорит: «Давайте сделаем реформацию, где тут у нас наш православный Лютер, Кальвин...».

— **Чем же «реформация» может быть плоха сама по себе, если рассматривать ее вне политического контекста?**

— Дело в том, что вопреки усилиям священноначалия, направленным на формирование у паствы ответственного восприятия происходящего, кое-кто пытается «осовременить» само богословие и подтолкнуть Церковь к секулярной реформации. Теперь представьте, что такой реформатор не один, что у него есть группа единомышленников, хорошо знакомых ему по профессиональной или какой-то другой среде. Они начинают предъявлять Церкви требования уже коллективно. Такие сообщества были известны и в 1950-е, и в 1960-е годы, и в последние советские десятилетия. Менялись их требования, звучали разные претензии. Кстати, последнее присуще не только православным либералам. Реформаторский настрой четко улавливается и в консервативной среде, где также есть претензии на переустройство Церкви под себя. Одним словом, если уж пришел в Церковь, стоит поработать сначала над собой, а затем думать над эволюционными реформами.

Когда закончилась гражданская война

— **В главе «Смысл революции» вы констатируете: «Русская гражданская война,**

продолжавшаяся в сфере идеологии на протяжении советского и постсоветского периодов, в 2014 году завершилась». Но достаточно открыть Фейсбук или сходить на митинг, чтобы как минимум усомниться в этом...

— Споры в обществе, порой ожесточенные, — это не гражданская война. Гражданская война в привычном понимании этого термина завершилась в России век назад. Независимо от того, были правы или ошибались в военных вопросах адмирал Колчак, генерал Врангель или главком Ворошилов, ту страницу нашей истории следует перевернуть и отдать архивистам. Сегодня «гражданская война» — один из несущих элементов либеральной идеологии, она исключает возможность объединения общества (одним из условий которого является умение договариваться «поверх» идеологии). Раскол подогревался искусственно и до сих пор мешает нам заниматься устройством собственной жизни, экономики, хозяйства. Разрыв традиции, который символизирует гражданская война, должен устраняться. Для этого необходимо отыскать те культурные явления и институты, которых он не коснулся, и на их основе строить новое общество.

— От историков правой части политического спектра можно услышать сетования на отсутствие взвешенного курса отечественной истории XX века. Вы с этим согласны?

— Да. Но на эти сетования можно возразить очень просто: сядьте и напишите. Действительно, мы до сих пор мыслим в парадигме советской истории, о чем говорит периодизация: 1917 — 1937 — 1945 — 1953 — 1961 — 1991. А куда делись, например, царский Указ «Об укреплении начал веротерпимости» (1905), Поместный Собор (1917–1918), отмена НЭПа (1928), победа в Финской кампании (1939–1940), празднование 1000-летия Крещения Руси (1988)? У нас, увы, до сих пор нет полноценного учебника по истории Русской Церкви XX века, и отнюдь не из-за закрытых архивов, а как раз по идеологическим причинам.

— Вы уделяете в книге место критике креативного класса. Не опасно ли, на ваш взгляд, противопоставлять его народу, не может ли эта критика вызвать антагонизм и новые классовые конфликты?

— Не думаю. Термин «креативный класс» — самоназвание прослойки общества, которую я именую авангардом партии либерального капитализма. Она выполняет специфическую и весьма конкретную функцию: обслуживая либеральную элиту, пересказывает ее идеи доступным массам языком — жить не по средствам, постоянно искать источники доходов, оформлять кредиты и т. д.

— Разве это не наши сограждане, не часть народа? Не повторяете ли вы герценовскую идиому «дворянство и народ»?

— Но ведь они же сами проводят разделительную линию, говоря: мы — прогрессивная, креативная часть общества; «активная часть общества делает свой выбор»... Это своего рода либеральный абсолютизм: «Гражданское общество — это мы». Но их концептуальный багаж — это не развитие мысли народной, традиций и наследия. Это — некритически усвоенный жаргон и идеологема западных политиков, просиживающих штаны в ЕС не хуже советской партноменклатуры на партсъездах. Или же повторение той части правозащитной риторики, которая охраняет только «своих», причем в те моменты, когда это выгодно. А мнение остального общества, мол, неважно, так как оно не креативно и не должно ничего решать.

Куда делась интеллигенция и чего ждать от среднего класса

— Вы констатируете смерть интеллигенции как отдельной социальной группы. А как же «церковная интеллигенция» — она тоже прекратила существование?

— Понятие «церковная интеллигенция» родилось внутри самой интеллигентской среды еще в советские десятилетия, когда считавшие себя представителями привилегированной прослойки люди пришли в Церковь. Но в Церкви нет пролетариата, крестьянства, дворянства, мещанства, разночинцев и интеллигентов: перед Чашей все равны. Не может быть в Церкви и отдельного круга избранных, неформальных «духовников». Это нарушает еkkлесиологический принцип, согласно которому перед Богом все также равны. Если мы берем слово «интеллигенция» в его западной трактовке, это не более чем люди умственного труда. А в России интел-

Православный гламур искажает Православие. Говорят о Господе Иисусе Христе как о волонтере, который ходил и бесплатно всем помогал. При этом совершенно не говорят об основной составляющей — самопожертвовании Христа. Богатым людям предлагается оставить за скобками ту часть Евангелия, которая говорит о страшных страданиях Христа на Кресте. О крови, растерзанном теле. Ведь это как-то негламурненько выглядит. Православный гламур обещает научить тому, как, оставаясь богатым, умудриться пролезть сквозь игольное ушко в Царство Небесное, причем со всеми своими вилами, яхтами, деривативами и офшорами.

Александр Щипков

лигенция утверждает, будто культурный человек — личное качество (причем похвальное), что это своего рода профессия. Христианский социум — это Церковь (экклесия), где все равны, равно открыты Писанию и равно погружены в Предание. Эксплуатация же христианских смыслов в рамках интеллигентских концепций, конечно, относится к числу наиболее вульгарных социальных практик.

— Приговор среднему классу в ваших устах звучит сурово. А ведь еще полтора десятка лет назад власти надеялись, что эти люди сформируют стеновой хребет российского общества, придав ему стабильность и устойчивость. Что же произошло? Почему сегодня эта общность превратилась в разрушительную силу?

— В наше время требования уличных активистов (а это пусть не имущественно, но идеологически «средний класс») беспощадны по отношению к остальному обществу. Попытка в очередной раз расколоть общество тоже выглядит некрасиво. В США первой половины XX века власти специально создавали средний класс как альтернативу пролетариату для предотвращения революционного взрыва, для чего запускались длинные и дешевые 25-летние кредиты, по-

зволявшие держать людей «на крючке». У нас в России средний класс — результат манипуляций с идеологией, и не более того! В странах же с пониженным уровнем суверенитета средний класс изначально ориентирован отнюдь не на укрепление общества.

— На одной из секций прошлогодних Рождественских образовательных чтений весьма опасно, на мой взгляд, прозвучала тема общенародного покаяния за богоборческий XX век. О чем это, на ваш взгляд, говорит?

— Это известная политтехнология, не забытая до конца. Репрессии проводили Ленин, Троцкий и Сталин. При чем же здесь мы с вами? Разве семью царственных страстотерпцев жизни лишили православные люди и разве христиане отправили на тот свет миллионы сограждан? Это попытка подвести сограждан к необходимости покаяться перед тем манипулятором, который и вбрасывает эту идею. Как здесь не вспомнить слова Святейшего Патриарха Кирилла: «Не соблазняем ли мы других, выдавая за правду свои собственные выгодные нам измышления, не раздираем ли мы хитон Христов своими амбициозными действиями, не сеем ли семена раздора и ропота среди братьев по вере?»²

— Мы вступили в юбилейный год, посвященный благоверному князю Александру Невскому. Этот святой — ваш небесный покровитель. Наверняка у вас есть собственный духовный опыт его молитвенного заступничества...

— Конечно, есть. И особенно это касается тех ситуаций, когда надо кого-то защищать. Вот сейчас для нас очень важно защитить Церковь от давления глобализма и Фанара. На всякий случай напомним, что министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров, отвечая 3 февраля на вопрос об «агрессивной западной риторике», процитировал Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде». Так что образ святого благоверного князя Александра Невского — тоже неотъемлемая часть нашего национального дискурса.

Беседовал Дмитрий Анохин

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр., «В обществе востребован евангельский образ церковного благочестия», URL: http://www.e-vestnik.ru/analytics/obraz_tserkvi_7095

² Рождественское послание 2020 г.